

ЗАМЕТКИ О КОНФЛИКТЕ В ОТНОШЕНИЯХ «ДЕТСТВО - ВЗРОСЛОСТЬ».

*-.. Я думала, что он мимо пройдет, а он
останавливается, смотрит и
молчит, а потом,- "Я вас (ты поняла, "Вас"!)
уже второй раз здесь
вижу... " А ему сколько лет? Двадцать три. Т-
а-а-кой старый?"*

Зам
етка

*- Они же черт знает что и как смотрят. Надо вместе с ними это
смотреть и объяснять им, где чернуха и порнуха, а где шедевр. А
Вы уверены, что мы в их глазах
настолько компетентны, что они будут
слушать, и услышат нас?
Еще одна заметка*

Прежде чем начать разговор по теме, заявленной в заголовке, хочу напомнить читателю, что он держит в руках клубное издание. Задумывая его в 1990 году вместе с Александром Кроником, Сергеем Братченко, Гершоном Бреславым, Леонидом Гозманом и другими участниками первой в нашей стране научно-практической конференции, посвященной конфликту, мы договорились, что Бюллетень Клуба — это специальное место для обсуждения с коллегами своих размышлений, наблюдений, сомнений, замыслов и фантазий. Мы договорились, что ни в коем случае не будем предъявлять строгих научно-академических требований к текстам, а основными критериями публикации считать тематическую связь с проблемой конфликта и интересность материала. Авторам — членам клуба предлагалось самим выбрать жанр и стиль своих текстов. Именно поэтому, следуя установившейся традиции, я попробую (рискну) поразмышлять о том, что меня давно волнует и чем мне хочется поделиться и что пока еще не имеет достаточно отчетливой, строгой формы.

Как относятся взрослые люди к детству?

Очень не новый вопрос, но, как мне кажется, не потерявший актуальности. Более того, обратное отношение довольно тщательно изучается. По некоторым наблюдениям, не носящим пока характера научных, можно предположить, что существует идеализированное отношение — радостное, безоблачное, беззаботное. Ему явно противостоит отношение драматизирующее, когда детство — это сплошное "нельзя". Может быть, так же, как для развивающегося ребенка взрослость дана в событийности идеальной и реальной форм, детство для взрослости представлено такой же событийностью? Я полагаю, что это важно потому, что взрослые, безусловно, экспансивны по отношению к детям. Ведь это они (мы) определяют и реализуют за счет собственных педагогических стратегий и специального устройства социума характер и темпы возрастной динамики. Это ведь взрослое решение — относительно задержек в развитии. Сколько раз мне приходилось слышать, да и самому произносить - "Ты УЖЕ ДОЛЖЕН (ДОЛЖНА) понимать... «или: "Не суй свой нос, МАЛ ЕЩЕ". Именно от того, как мы представляем себе детство, зависит характер нашей событийности с детьми. Всякий конкретный взрослый имеет в основе своей взрослости реальную форму детства (своего детства) и одновременно идеальную форму детства. Вероятно, событие этих форм и порождает сослагательное наклонение типа: "Если бы родители были ко мне потребовательнее", или "Если бы родители не так жестко меня опекали", или "Если бы я тогда понимал..."

Особенно остро вопрос о темпах возрастной динамики ставится при сравнении отечественных и западных образцов школы. Разницу очень хорошо замечают эмигранты. Они поражаются неспешности "тамошних" моделей образования. Для нас это, кстати, часто предмет хвастовства: "У нас в 5-м решают такие задачки, какие им

там и в 7-м не снились". У нас очень занятная (зачем только — непонятно) схема: 11 классов за 10 лет обучения. У них — 12-13-летнее общее образование — необходимое условие для поступления в университет. Все время дискутируется вопрос о неисчерпаемых возможностях детского ума, об одаренности, которая странным образом связывается со скоростью достижений.

Помню, когда я учился в 11 классе, я познакомился с девочкой — студенткой 2-го курса НГУ, которая была на два года меня младше. Она страшно гордилась своим студенчеством, редким по тем временам экстернатом, но вместе с тем очень тяжело переживала свою неуместность и в студенческой, и в школьной среде. Сверстники ее сторонились потому, что чувствовали себя рядом с ней недоумками, а студенты относились довольно снисходительно и с некоторой долей отстраненного любопытства. Не берусь даже сейчас, спустя много лет и, зная ее дальнейшую судьбу, рассуждать, правы или не правы были ее родители. Меня серьезно беспокоит сама идея возможности ускорения. Многочисленные опыты (многих взрослых на собственных детях) показывают, что такое ускорение возможно. Но каковы стратегические последствия подобного экспериментирования с сокращением детства? Что представляет собой взрослость, которой предшествовало сокращенное (ускоренное) детство?

Как известно из истории культуры, развитие цивилизации в свое время потребовало удлинения детства. Так появился и пока еще продолжает оформляться подростковый возраст. Разве уже исчерпаны те основания, которые предопределили современные представления о динамике взросления?

И еще одно, условно говоря, новое обстоятельство, которое можно наблюдать в современном отношении взрослых к детству. По-видимому, в обыденном взрослом сознании "развитие" и

"ускорение" рассматриваются как синонимы. Это означает, что там, где дошкольные или школьные педагогические программы декларируют и реализуют стратегии развития, появляются социальные ожидания эффектов ускорения взросления. Иными словами, от детей ждут совершенных ответственных форм поведения, которые должны образоваться при применении этих стратегий раньше, чем в условиях традиционной школы.

А ведь нам хорошо известны феномены экстренного взросления, когда ребенок за короткий срок, иногда буквально скачком, приобретает взрослую мудрость. Практически все такого рода случаи связаны с тяжелыми психическими травмами.

Вместе с тем психологам и педагогам хорошо известно, что возрастная динамика разворачивается не однолинейно и по разным линиям гетерохронна. Экспериментально доказано, что за счет овладения обобщенными способами мышления можно добиться резкого продвижения ребенка по линии интеллектуального развития. Что происходит при этом с потребностной сферой? На какие места в социуме и с какими основаниями может теперь претендовать человек?

Многочисленные вопросы постепенно оформляют для меня главный — чем и как должно быть обеспечено пространство встречи взрослости с детством для НОРМАЛЬНОЙ событийности? Или лучше так: какое базовое противоречие лежит в основе межпоколенного конфликта?

Очень любопытное рассуждение на эту тему есть у Маргарет Мид: "В любом постфигуративном обществе появление в каждом новом поколении эдипова вызова авторитету мужчины, вызова, по-видимому, биологически целесообразного на ранних ступенях развития человека, но во всех известных нам культурах неуместного у детей, слишком юных для того, чтобы производить потомство и

нести ответственность за него, должно найти соответствующий ответ, если общество хочет сохраниться. Ни в коем случае нельзя пользоваться преждевременной половой реактивностью детей; отсюда мы везде встречаем правила, запрещающие инцест. В то же время и *взрослые должны, быть защищены от воспоминаний, страхов, проявлений враждебности и отчаяния, возрождаемых в них их собственными детьми.* В противном случае взрослые могли бы отвергнуть и уничтожить своих детей "(выделено мной - Б.Х.) [1, с. 333].

Здесь фактически предложены два основания для формирования отношения взрослости к детству: во-первых, представления о том, что необходимо для подготовки к такому же, как собственное, взрослому существованию; во-вторых, представления о том, что для них самих было драмой детства и возможным препятствием к "нормальному" (?) взрослому существованию. Отсюда понятна весьма противоречивая идея ускорения-сокращения (т.е. приближения к себе) детства. В целом это отношение как раз воплощено в стратегиях образовательных институтов. Теперь хорошо бы попробовать посмотреть по отдельности отношение взрослого к детству как ему внеположенному (буквально как к другому миру) и к СВОЕМУ ДЕТСТВУ.

Достаточно примеров тому, что практически любой взрослый, если бы ему представилась такая возможность, что-нибудь подкорректировал бы в своем детстве. Это легко наблюдать в различных группно-динамических занятиях. Это же обстоятельство "работает" в выборе попустительства/ запрета в отношении собственных детей. Складывается впечатление, что разрешение импульсивности своему ребенку представляет собой своеобразное собственное до-переживание того, что не удалось или, по собственным ощущениям, удалось не в полной, не достаточной мере

в СВОЕМ ДЕТСТВЕ за счет присоединения к детству своего ребенка. По-видимому, тот же механизм срабатывает и при запрете. Для полноты можно сказать, что эта ориентация в отношении к новому детству на свое детство может осуществляться как компенсаторно, так и по подобию, что не меняет сущности опоры. Если это так, то получается, что родители как бы вновь разрешают уже когда-то и как-то разрешенный конфликт, но теперь с новыми ресурсами и в надежде на лучшее разрешение. Значит ли это, что когда-то давно конфликт не был разрешен?

Обратимся опять к Маргарет Мид: "Родители должны защитить себя от возрождения в детях их собственной давно уже подавленной ранней детской сексуальности. В этом, может быть, и кроется причина того потворствования, когда маленьким балийским мальчикам разрешают бродить группами, непричесанными, неумытыми, не подчиняющимися никакой дисциплине; когда маленьких мальчиков батонга отдают на воспитание братьям их матерей и отнимают у их суровых отцов; когда родители-зуньи избегают ссор со своими детьми, проявляют кажущуюся снисходительность и вместе с тем приглашают танцоров в страшных масках прийти к ним в дом и побить ослушников" [там же]. Здесь достаточно очевидны попытки взрослых буквально дистанцироваться от непосредственных отношений с собственными детьми в конфликтных ситуациях, в которых актуализируются конфликты собственного детства, и передать решение некоторым представителям взрослости. В нашей цивилизации такими представителями, по-видимому, должны выступать педагоги. Однако такое лукавство в лучшем случае смягчает остроту межпоколенной драмы, которая всякий раз состоит в том, что взрослые именно потому проявляют экспансию по отношению к современному им детству, что пытаются с его помощью исправить (дожить) свое не

прожитое в полной мере детство. В свою очередь, такая экспансия должна встретить защитные формы поведения реактивного характера. Детство тоже притягивает на взрослость.

Интересно, что взросление определяется со-бытием идеальной и реальной форм взрослости (Д.Б. Эльконин) исключительно и только как движение "туда". По-видимому, не менее важно определение и "откуда". При этом специально подчеркну, что идеальная форма взрослости может быть представлена в двух ипостасях, вневременной (как то, что есть всегда) и перспективной (как то, что предстоит). Идеальная форма детства может быть представлена в трех ипостасях: вневременной (как то, что есть всегда), ретроспективной (как то, что было когда-то) и перспективной (как то, что максимально желательно).

Я полагаю, что характер встречи детства и взрослости и конкретных ребенка и взрослого обусловлен именно тем, каково содержание событийности идеальной и реальной взрослости у ребенка и идеального и реального детства у взрослого. Это последнее, по-моему, как-то обделено вниманием. Наверное, МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ХОРОШО СЕБЯ ЗНАЕМ.

На этом можно было бы и завершить заметки, но уж очень много вопросов задано. Хочу попробовать хотя бы предположительно ответить на некоторые из них несколько фантастическим образом.

Мы не потому так сильно претендуем на руководство детством и взрослением, что печемся о будущем и, благодаря развитому умению проектировать, хорошо его себе представляем, а потому, что как раз не можем забыть своего прошлого и именно его пытаемся исправить сами, но в чужой (да простят меня родители) жизни. А это, в свою очередь, объясняется тем, что мы не успеваем прожить собственное детство. Обратите внимание на то, каким образом мы узнаем

(диагностируем) шаг развития или возрастной переход — по новообразованиям, новым способам, интересам. А что происходит со старыми? Как они "упаковываются"? Насколько они "снимаются" в новых? Как оставляются в прошлом? (Ну вот, опять сплошные вопросы!).

А теперь, собственно, почти фантазия. По данным геронтологов, наш организм имеет запас жизненных сил на существенно большее время, чем то, которое мы реально проживаем. Но те сроки жизни, которые определяются как средняя продолжительность, давно нами приняты, присвоены и тем самым "срабатывают", ограничивая горизонты жизни и приписывая темпы, содержание и насыщенность определенных жизненных этапов. Эксперименты с методами биографики (А.Кроник) показали, что, анализируя прошлое и назначая себе будущее, испытуемые весьма строго придерживаются относительно стереотипных сценариев оценивая и насыщая произвольно разные периоды жизни определенными событиями. При этом относительно прошлого довольно часто звучит сожаление "Эх, не успела (не успел)!"

Теперь давайте прикинем: если верить геронтологам, то различные системы организма могут в целом жить не менее 160 лет (мозг — существенно больше), возможности индивидуально-психических сроков жизни — неизмеримо большие. Значит, если сохранить предложенную В.И.Слободчиковым и Г.А.Цукерман стадильность [2, с.42], то сроки периодов окажутся существенно больше. Представим себе, что эти сроки — норма для проживания определенной возрастной ступени. Но что же тогда происходит с нами? Мы просто не успеваем. При этом попытки интенсифицировать жизнь за счет специальных технологий без учета гетерохрошности процессов развития приводят к тому, что ускорение в одном месте чревато травмами и потерями в другом. Если человек БОИТСЯ НЕ УСПЕТЬ -

он не успевает.

Если человек переживает, что он НЕ УСПЕЛ — но при возможности постарается ускорить жизнь того, кто от него зависит.

При всей, как может показаться, нелепости этого объяснения, картина встречи детства и взрослости, особенно в формах "дитя-родитель" и "ученик-учитель", понятная и вполне симпатичная в своей взаимной экспансивности, пока что разворачивается преимущественно как непродуктивно конфликтная. Может быть, ценности интенсификации, ускорения устарели?

Литература

- 1 Мид М. Культура и мир детства М.:Наука, 1988.
- 2 Слободчиков В. И. , Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития// Вопросы психологии 1996 №5.